

водевичье кладбище. Существует, однако, версия, что по незнанию точного места захоронения Х. был вырыт и увезен прах другого человека. На оставшейся в Ручьях «подлинной» могиле поэта в 1986 был поставлен памятник работы скульптора Ф. Клыкова. Таким образом, в настоящее время у Х. имеется две могилы, что вполне соответствует уникальной «привилегии» Председателя земного шара, а также одной из его ранних записей: «Быть в разных местах, но в одно время» (Григорьев В. 1986. С. 96).

Соч.: СС: в 5 т. Л., 1928–33; СС: в 3 т. СПб., 2001.

Лит.: Петровский Д. Повесть о Хлебникове. М., 1926; Тынянов Ю. О Хлебникове // Хлебников В. Собр. произведений. Л., 1928. Т. 1; Степанов Н. Велимир Хлебников. М., 1975; Мирский Д. Велимир Хлебников // Мирский Д. Лит.-критические статьи. М., 1978; Григорьев В. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986; Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. Набросок первый: Подступы к Хлебникову // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987; Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989; Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990; Дуганов Р. Велимир Хлебников: Природа творчества. М., 1991; Марков В. О Хлебникове: Попытка апологии и сопротивления // Марков В. О свободе в поэзии. СПб., 1994; Крусанов А. Русский авангард: 1907–1932: в 3 т. СПб., 1996. Т. 1. Боевое десятилетие; Григорьев В. Будетлянин (О В. Хлебникове). М., 2000; Мир Велимира Хлебникова. М., 2000; Баран Х. О Хлебникове. Контексты. Источники. Мифы. М., 2002; Беренштейн Е. П. Эстетика прекрасного Велимира Хлебникова // Философия и культура. Тверь, 2002; Гарбуз А., Зарецкий В. Поэзия рубежа: Велимир Хлебников, 1885–1922 гг. // Цветы необычайные. М., 2002; Григорьев В. П. «Безумный, но изумительный...» // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002; Семенова С. «Зачеловеческие сны» Велимира Хлебникова // Русская лит.-ра. 2002. № 2.

А. И. Михайлов

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович [16(28).5.1886, Москва — 14.6.1939, Бий-анкур под Парижем] — поэт, мемуарист.

Отец был польским дворянином одной генеалогической ветви с А. Мицкевичем, за участие в польском восстании 1833 лишен дворянства, учился в Академии художеств в Петербурге; переехав в Москву, стал фотографом. Дед Х. по линии матери перешел из иудаизма в православие; но мать воспитывалась в польской семье, где приняла католическое крещение. Она была носительницей польского и католического начала в семье и оказала известное влияние на сына, который, став литератором, переводил польских

поэтов. Учился Х. в 3-й Московской классической гимназии, что дало ему хорошее знание древних яз. О своих детских воспоминаниях он рассказал в очерке **«Младенчество»**. С ранних лет Х. вращался в сфере искусства: старший брат Михаил был прекрасным знатоком искусств, а его дочь Валентина Михайловна известна как художница. При всем влиянии на Х.— через мать — польской и еврейской (отчасти) культуры истинной колыбелью его всегда оставалась русская словесность и русская культура с культом Пушкина.

В гимназии он учился в одном классе с А. Брюсовым (младший брат уже знаменитого в те годы В. Брюсова). Через него возник интерес к символистской поэзии; большое влияние на формирование и интересов, и вкусов гимназиста Х. оказала дружба, продолжавшаяся и в последние годы, с поэтом В. Гофманом. Среди своих учителей Х. называет также известного литературоведа В. И. Шенрока (возможно, заложившего в нем интерес к литературоведческой науке) и двух иностранных поэтов: датчанина Тора Ланге и немца Георга Бахмана. Таким образом, уже в гимназические годы многое направляло интересы Х. не только к стороне искусства вообще, но к лит. символизму прежде всего. Влияние символизма на формирование творчества Х. оказалось достаточно сильным — раньше других здесь следует иметь в виду воздействие В. Брюсова. Хотя это влияние и не следует преувеличивать. Манера зрелого Х. ни в коей мере не похожа на стихи мэтра. И все же релятивизм символистов (на равных правах у символистов выступают Христос и Антихрист, Бог и Дьявол, добро и зло и т. д.) оставил свой след, трансформировавшись в своеобразный скептицизм, неотъемлемый от мироощущения Х. и его стилистической манеры.

После окончания гимназии Х. некоторое время учится в Московском ун-те, но учебу прекращает, отдавшись лит. деятельности. Поэзия целиком поглощает его. Он начал печататься с 1905 в альм. и ж. символистов — «Гриф», «Золотое руно» и др. Первая книга стихов — **«Молодость»** — вышла в 1908. Почти все стихи трагичны, пессимистичны. Поэт не видит в жизни, окружающей его со всех сторон как бы серой пеленой, сотканной из скуки и отчаяния, никакого просвета. Всеми доступными ему тогда поэтическими средствами он добивается своей главной цели — передать читателю чувство обреченности и безысходности. Возможно, столь пессимистическому взгляду на жизнь способствовала обострившаяся болезнь (туберкулез),

В. Ф. Ходасевич

но главное — в прямом следовании за тогдашними авторитетами — Брюсовым, Блоком, А. Белым, Ф. Сологубом, из произведений которых он выбирал лишь то, что соответствовало его тогдашнему настроению. И все же иные из стихов «Молодости» были и самостоятельны, и свежи. Не случайно одно из них («**Время легкий бисер ниже...**») одобрительно цитировал И. Ф. Анненский, а В. Брюсов, отличавшийся строгостью оценок, также отметил в одной из статей несомненное дарование молодого поэта.

До выхода второй книги («**Счастливый домик**», 1914), т. е. на протяжении 6 лет, Х. много пишет и много печатается: он переводил польских поэтов, публиковал критические статьи и рецензии, обнаруживавшие его собственный внутренний рост и складывавшиеся эстетические взгляды (уже не во всем совпадавшие с символизмом), сотрудничает в «Универсальной библиотеке» и в «Русских ведомостях». То была весьма плодотворная пора, заметно переменявшая его прежнее заимствованно-пессимистическое отношение к жизни. Он связывает свою судьбу (на 10 лет) с Анной Ивановной Гренцион, младшей сестрой писателя Г. И. Чулкова, и новый круг интересов и забот, любви и житейских тревог подводит его к мысли о ценности простых чувств и «живого счастья». Трагедия бытия существует, но над нею, выше ее стоит и торжествует именно простая человеческая жизнь. Поэт в «Счастливом домике» не забывает о «роковой грани» между этими двумя мира-

ми, но душа его и поэзия тяготеют к «простому» и «невинному». Книга открывается «**Элегией**» с призывом «спокойно жить и мудро умереть». Когда все же другой — «страшный» — мир напоминает о себе, поэт обращается к миру пушкинской гармонии. Именно в «Счастливом домике» выходят едва ли не на первый план и едва ли не демонстративно традиции стиха начала XIX в. Помимо Пушкина это Баратынский и молодой Фет. Во многом новое миропонимание сильнее-шим образом сказалось на стилистике и поэтике Х. Тяготение к «простому миру», к «пыльце на крыльях мотылька» повлекло его как художника к «прозаизмам жестким» (Н. Берберова), стихам Тютчева, к К. Случевскому, но прежде всего опять-таки к Пушкину и в особенности к Державину. Автора знаменитых од и «Водопада» он любил страстно и вдумчиво, учился его непреднамеренно, далекому от «канонов», «варварскому» слогу. О Державине он развернуто и впервые написал в 1916 — к столетнему юбилею поэта, а потом, в 1931, закончил одно из самых сильных своих прозаических и литературоведческих произведений — книгу «**Державин**». Следующая после «Счастливого домика» книга (третья по счету) — «**Путем зерна**» — вышла в 1920.

В годы Первой мировой войны, если говорить об общественно-политических взглядах поэта, он занимал нейтральную позицию, склоняясь скорее к осуждению войны; Февральскую революцию принял восторженно. Его взгляды этой поры можно охарактеризовать как левые, с известной даже симпатией к «большевикам». Его многолетнее «отлучение» от русской лит-ры и от его родины было вызвано сотрудничеством в эмигрантской газете «Возрождение», отличавшейся антисоветизмом. Однако Х. настаивал на том, что «быть большевиком не плохо и не стыдно. Говорю прямо: многое в большевизме мне глубоко по сердцу...» (Письмо Б. А. Садовскому от 10 февр. 1920 // Вопр. лит-ры. 1987. № 9. С. 239). В годы революции и Гражданской войны Х. читает лекции в Студии Пролеткульта, работает в Наркомпросе, руководит московским отделением изд-ва «Всемирная лит-ра», организованного М. Горьким в Петрограде, заведует московской Книжной палатой. Вся эта разнообразная деятельность сближает его с новой жизнью страны и сказывается на стихах. Они становятся и острее, и откровеннее. Название книги «Путем зерна» носит глубоко символический характер, восходящий к евангельской притче о зерне, которое должно умереть, чтобы

вновь воскреснуть. Он проецирует смысл притчи на новую действительность, полагая, что кровавые испытания дадут свежие победы, что молодая поросль жизни восторжествует. В книге, естественно, уже нет той, хотя и временной, гармонии, которой пытался достичь Х. в «Счастлимом домике», — жизнь разломилась, окровавилась, о равновесии не может быть и речи. Поэтому стих в книге «Путем зерна» напряжен и драматичен — он опять-таки ориентирован на Пушкина и его «плеяду», широко используется ямб — он становится отныне почти постоянным размером в поэтическом творчестве Х. Но и ямб, и пушкинское начало глубоко растворены в сложившейся индивидуальной манере автора, они живут как бы в его поэтическом подсознании, являясь интимной опорой души и творчества. Сам Х. связывает появление новой манеры с переменами в общественной истории. В статье «**Колелемый треножник**» (1921) он писал, что Петровский и петербургский период русской истории кончился, что возврат к старому немислим.

В конце 1920 Х. переезжает в Петроград — поселяется в знаменитом Доме искусств на Мойке и переживает огромный творческий подъем — тому, возможно, способствовала сама лит.-общественная атмосфера тогдашнего Петрограда. В 1922 он выпускает свою четвертую книгу — «**Тяжелая лира**» (первоначальное название — «Узел»). Для нее характерна подчеркнутая традиционность: главенствует ямб и ориентация на лит. опыт XIX (отчасти конца XVIII) столетия. Вполне возможно, что в «классицизме» новой книги сказались влияние и самого города, и т. н. петербургской школы поэзии. Символично, однако (и весьма характерно для Х.), что внутри ограниченного и строгого «классицизма» живут боль и страдание, вызванные не только личными событиями той поры, но, пожалуй, главным образом, событиями в стране, пошедшей, по мнению поэта, по неверному пути. Он горько разочаровывается в т. н. достижениях революции, ему глубоко претит то явление, которое Маяковский примерно в то же время назвал «мурлом мещанина». Смерть Блока и Гумилева окончательно отвратили его от «диктатуры пролетариата», вырождавшейся к тому же, по его выражению, в «диктатуру бельэтажа», т. е. новых сытых мещан. В его психологическом и худож. мире снова появилась трагичность. Весь мир кажется ему шатким и чреватым ежеминутной бедою. Скепсис, столь характерный для зрелого Х., набирает свою силу именно в этой книге.

В июне 1922 Х. вместе с Н. Берберовой, ставшей его женой, покидает Россию. На пути лежит сначала Берлин, потом — Париж. Последний цикл Х. называется «**Европейская ночь**» (отд. книгой опубликован не был). Поэт много путешествует, но всюду бедствует. Его мучает литературная поденщина и болезни. Отношения с эмигрантской средой сложные. Х. публикует статьи и рецензии в газ. «Дни» (под редакцией А. Ф. Керенского), «Последние новости» (редактор П. Н. Миллюков), работает над книгой о Державине, начинает книгу о Пушкине, пишет исследование о Павле I. Стихи почти исчезли — после «Тяжелой лиры» и цикла «Европейская ночь» их всего несколько. Живет в нужде, на скудный лит. заработок и только по этой причине начинает сотрудничать в правой газ. «Возрождение», где ведет раздел «Лит. летопись». Последний прижизненный сб. Х. «**Собрание стихов**» вышел в 1927. После сб. он издал биографию Державина, сб. статей «**О Пушкине**» (1937) и книгу воспоминаний и лит. портретов «**Некрополь**» (1939).

Соч.: Стихотворения. Л., 1989. (Б-ка поэта. Б. серия); Державин. М., 1988; Собр. стихов. М., 1992; Некрополь. Воспоминания. М., 1996; Из еврейских поэтов. Переводы. М.; Иерусалим. 1998.

Лит.: Вейдле В. Поэзия Ходасевича. Париж, 1948; Зорин А. Л. Начало // Ходасевич В. Державин. М., 1988; Богомолов Н. А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Ходасевич В. Стихотворения. Л., 1989; Лаврин А. Дар тайнослышанья тяжелый // Ходасевич В. Собр. стихов. М., 1992; Толаев В. М. Материалы к творческой биографии // Российский литературоведческий ж. 1994. № 5–6; Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996.

А. И. Павловский

ХОЛИН Игорь Сергеевич [11.1.1920, Москва — 15.6.1999, Москва] — поэт, прозаик.

Отец — офицер царской армии, во время Гражданской войны воевал за красных, умер от тифа в 1920. Мать — белошвейка, была не в силах прокормить семью из четырех детей, отчего Х. с малых лет скитается по детским домам разных городов, беспризорничает, затем его берут воспитанником в армию, в училище «красных старшин» в Харькове. Иного образования Х. не получил. Уйдя в 1937 из армии, начинает самостоятельную трудовую жизнь. С 1940 по 1946 — опять воинская служба, участие в Великой Отечественной войне, которую прошел от начала до конца, дважды был ранен, отмечен боевыми наградами. После демобилизации в звании